

Культура. — 1998. —
17-23 сент. — с. 13

Давайте представлять!

Вера Красовская о своей жизни

Вера Михайловна КРАСОВСКАЯ — капитан и лоцман нашей фиксируемой на бумаге истории балета. Танцовщицы, хореографы, теоретики выходят из ее трудов, как русские литераторы — из гоголевской «Шинели». Многотомные «Истории» отечественного и западного балетных театров, монографии, посвященные Павловой, Нижинскому, Вагановой, Чабукиани, Долгушину, статьи, превосходящие по содержательности иные книги. В Америке ее имя включено в список двух тысяч знаменитейших женщин мира. Однако сама Красовская всячески отмахивается от амплуа «живого классика». Говорит, что не любит давать интервью и выслушивать торжественные речи в свой адрес. А на вопрос «почему?» с удовольствием вспоминает «Короткие рассказы» Хармса. К счастью, в каждом правиле есть приятные исключения.

— В какой атмосфере вы росли?

— Мой отец был профессором русской архитектуры, специализировался на деревянном зодчестве. После революции отошел от дел: ведь тогда стали считать, что это — не профессия, а храмы и покои вельмож — не архитектура. Приходилось туго... Отец моей матери сначала был тульским губернатором, потом могиловским, потом — членом Государственного совета.

Мама была удивительно смелой и оптимистичной женщиной. Казалось бы, выросла в такой семье — с французенками и англичанками-гувернантками... Она безупречно знала оба языка, но это было ни к чему в перевернутой жизни. Мама не брезговала ничем. Она даже торговала пирожками, и как-то милиционер вел ее с лотком мимо института, где мы жили... Мы, в общем, были дружной семьей. Брат Юрий, на полтора года моложе меня, подчинялся мне решительно во всем. Любимой нашей игрой было «давайте представлять». У нас была подруга — Тата Рождественская. Мы жили в Институте гражданских инженеров, а она — неподалеку, на Бронницкой. Она была неперменной участницей наших представлений. Кончалось обычно тем, что Юра оставался при двух красавицах, мы переводили его в магометанскую веру, и обе выходили за него замуж.

Мама давала нам волю. Мы играли во дворе с детьми служащих института — водопроводчиков, печников и т.д. Но дети были, конечно, не такие, как сейчас. Даже в простых семьях они воспитывались в уважении к Богу, царю и Отечеству.

— Вы рано научились читать?

— В четыре года. Этому способствовало то, что в квартире часто бывали обыски. Выворачивали книжные шкафы в папином кабинете — один из этих шкафов до сих пор стоит у нас в большой комнате. Все книги — на пол, так они и оставались лежать. Собачий холод был в квартире — мы еле-еле доставали каких-нибудь палочек, чтобы протопить хотя бы одну комнату. Я приходила в кабинет, на мне был надет заячий тулупчик, как у пушкинского Савельича, садилась на пачки книг и читала. Юрка бегал кругом и кричал: «Давай представлять! Давай представлять!» Потом бежал к маме: «Верка опять читает!» Мама шла посмотреть, что я читаю. Выяснялось, что Мопассана, — но ничего не понимала в этом, кроме того, что там есть какая-то пестрота жизни.

— Кто были ваши любимые авторы в детстве?

— Гофман. Все, что связано с фантастикой и романтикой. И, конечно, Пушкин и Лермонтов. Пушкина очень любила мама. Она не расставалась с «Евгением Онегиным». Книжка была в бумажной обложке, на ней изображена кудлатая голова. Как-то мама читала и вдруг притихла. Я смотрю, а она приложила пальцы к этому портрету и прикидывает: хорошо ли Пушкину без бакенбардов.

— Как вы попали в хореографическое училище?

— Несколько раз мы ходили в балет. С этого для меня все и началось — оригинальности нет никакой. Тогда директором театров был Иван Васильевич Экскузович. Он окончил Институт гражданских инженеров и был учеником моего

Фото автора

отца. У нас была няня Полина Алексеевна. В нее влюбился старший брат Экскузовича и уволок ее от нас. По-видимому, был из хороших пошляков, говорил: «Моя жена — баронесса». А «баронесса» была горничной у моей бабушки, потом — нашей обожаемой няней. Он-то и переделал ее из Пелагеи в Полину. Она была красива — в духе некрасовских женщин... Я очень хотела в балетное училище. Пала поехал к Ивану Васильевичу, и тот пообещал, что все будет хорошо. Потом я так рвалась оттуда!

— Почему?

— Хотелось домой. Я, наверное, рвалась бы из любого места.

— Но что-то вас все-таки держало в училище?

— Надо было учиться — там или где-то еще. Однажды у меня нога была долгий срок в шине из-за воды в колене. Когда вернулась в школу, выяснилось, что сильно отстала. И мама — уж не знаю, кто ей посоветовал, — пригласила Веру Каминскую, замечательную танцовщицу и поразительного педагога. Она сделала из меня балерину — хоть сейчас на сцену. И говорила, что, если б я не бросила, она довела бы меня до кондиции. Но я не любила себя в этом деле. Училась танцам плохо. Мое место было на диване с книжкой — это я обожала.

— Как Ваганова относилась к тому, что вы плохо занимались танцем?

— Она меня как-то спросила, встретив в одном из наших коридоров в училище: «Почему ты еле ноги тянешь?» Это были уже репетиции нашего выпускного спектакля. Я сказала: «Агриппина Яковлевна, это потому, что мы едим дома одну пшенную кашу без масла».

Она меня потрепала по плечу и ушла. Но перестала ко мне придирается. Просто махнула рукой. Весь наш выпуск взяли в театр.

— Как сложились судьбы танцовщиков вашего выпуска?

— Валя Лопухина вскоре стала балериной Большого театра. Не без удовольствия вышла потом на пенсию и, к сожалению, скоро умерла. Еще была Лидочка Травкина — фарфоровая куколка, голубоглазая, с совершенно белокурыми волосами, с красивой пластикой. Но она на второй год пребывания в театре заболела туберкулезом и умерла. А остальные все танцевали в двойках, тройках, не более того.

— Вы дружили с кем-то в театре?

— Я очень дружила в школе и театре с Валей Лопухиной. Она рано вышла замуж и уехала в Москву. Но мы встречались регулярно. Она была милейшая. Очень талантливая. Поддерживала Захарова. Потом я ей сказала: «Дура ты, дура, если бы тебя увидел Фредерик Эштон или Джордж Баланчин, ты была бы танцовщицей мирового уровня». Она идеально подходила для этих балетов. Красивые ноги, блестящая техника. А здесь она танцевала, что называется «никак», Марию в «Бахчисарайском фонтане». Она не на той улице родилась. И не понимала этого.

— Наверное, она была не одна такая?

— Конечно, хотя потом как-то стали следить за амплуа.

— Правда ли, что в 30-е годы утренний класс был необязателен для кордебалета?

— Можно было не ходить — никто не обращал внимания.

— Вы не оттанцевали положенный срок в театре?

— Не оттанцевала. Потому что не поехала в эвакуацию — заболела. У нас уже все вещи были на вокзале, в поезде, который отправлялся в Пермь. Пришлось брату ехать туда и забирать их, тащить назад. Потом мы хлебнули все радости блокады.

— Вы ведь продолжали танцевать в блокаду...

— Я танцевала в концертной бригаде консерватории до 7 ноября. После этого светлого праздника все гастроли прекратились... Судьба выкидывает иногда странные штуки. Мой первый муж — он был скрипачом в оркестре БДТ и преподавал в консерватории — тоже остался в городе и очень быстро стал разваливаться. Вообще женщины выносливее мужчин. Каким-то образом тут возник мой второй муж — командир или комиссар летного полка, — которому я и спланила первого, чтобы он его увез. И он переправил его на самолете на Большую землю и помог вернуться в нормальное состояние. Тот уехал в Пермь, где его ждала моя большая приятельница, влюбленная в него по уши, — Валя Осокина, танцовщица нашего театра.

После блокады я быстро восстановилась. Но не хотела больше танцевать. Сначала мы с мамой эвакуировались в Башкирию, в город Белебей. Там я вела детскую группу. Они у меня здорово танцевали: мы даже концерты давали.

— Вы вернулись в Ленинград и...

— Вернулась в Ленинград с моим новым мужем, который, конечно, был для меня совершенно чужим человеком. Вскоре мы разошлись.

— Каков для вас общий образ того времени?

— Страх. Ужасное было время. Не покидало ощущение, что людей арестовывали наугад. Нину Анисимову забрали накануне ее концерта в филармонии. Она умоляла: «Куда же я денусь за день, дайте хоть концерт станцевать». Тщетно. Она пробыла там довольно долго... Постоянные обыски. Однажды я пришла домой из театра, стучу, мне открывает дверь человек в военной форме. Я обмерла. Мы с моим первым мужем жили в коммунальной квартире. Муж высовывается и кричит: «Мартыночка, не волнуйтесь, это не к нам». Обыскали всех и увели соседа — отца двоих детей. Это было перед войной... Потом уже с Золотницким мы жили на Фонтанке напротив БДТ. В одно прекрасное утро 53-го года я

поднимаю шторы: «Дод, помер!» — над театром развевался траурный флаг. Почти по Ахматовой — «Над дворцом черно-желтый стяг...»

— Закончив танцевать, вы сразу подумали о балетоведении?

— Нет. Ничего я не думала. Жила, как одуванчик у забора.

— Что же привело вас в институт?

— Даже не помню. Мы жили в институтском дворе на Исаакиевской площади. Это была бывшая кухня дома Зубовых, из нее сделали две квартиры, в одной из которых мы и жили. Нашим соседом по лестнице был профессор Сергей Сергеевич Данилов. Он говорил потом: «Я создал Красовскую из пены, как Афродиту». Отчасти был прав. Я подошла к нему и сказала, что очень хочу в аспирантуру. К тому времени я уже печталась. Он ответил: «У вас же нет высшего образования, как вы пойдете в аспирантуру? Ну, давайте попробуем».

Это был первый набор после войны. Меня взяли чистым фуксом. Потом пришлось экстерном сдавать экзамены в вуз. Тогда в моей жизни и появился Давид Золотницкий. Вот, например, политэкономия, в которой я до сих пор ничего не понимаю. Дод и Сергей Сергеевич распределили свои обязанности. Я вытаскивала вопросы и передавала их Сергею Сергеевичу, тот выносил в коридор Доду. Он бежал в библиотеку, писал какой-то суммарный ответ и опять передавал его Сергею Сергеевичу. Тот подходил к моему столу с этой бумажкой, клал ее рядом со мной, поддерживая некоторое время рукой, и уходил. А я получала свою несчастную «тройку».

— Как вы познакомились с Давидом Иосифовичем?

— В аспирантуре. Очень занятно: всю аспирантуру мы не обращали друг на друга никакого внимания. Дод уже тогда работал в редакции журнала «Звезда», очень бывал занят и никем особенно не интересовался. Как-то мы сидели сбоку на стульях в репетиционном зале — там что-то происходило. Вдруг Дод протянул руку через несколько человек и дернул меня за волосы — я тогда убирала волосы назад в узел. Так это все и началось.

— И продолжается вот уже...

— Больше пятидесяти лет. Мы познакомились в 46-м. В общем, Дод и сделал из меня писательницу. Я с большим уважением относилась к его советам. Потом наше творческое влияние стало взаимным.

— Какая ваша книга нравится

вам больше всего?

— Одно время очень нравился «Нижинский», а сейчас — не знаю. Я все время говорила, что мою историю балета надо читать со второго тома. А сейчас взяла первый том, который не держала в руках много лет, и смотрю, что он вполне достоин того, чтобы по нему учились люди.

— Вы хотите сказать, что сейчас иначе оцениваете сделанное?

— Да нет. Скорее, более трезво: что плохо, то плохо, что хорошо, то хорошо. Первая моя книга была о Вахтанге Чабукиани. Она написана еще по правилам того времени, да еще и вышла в двух изданиях! Но времена же меняются. Всегда надо искать свой индивидуальный стиль, чтобы меньше зависеть от этих перемен.

— Кто ваши любимые персонажи в истории балета?

— Мне очень интересен Новер. Среди танцовщиков — Константин Сергеев и Никита Долгушин. Со школьных лет я обожала Уланову...

— Вы поддерживали дружеские отношения?

— Нет. Но странно — мы были очень похожи внешне. Типичная история — ко мне подходит на улице женщина и спрашивает: «Это вы или не вы?»

— И что же вы отвечали?

— Отвечала честно: «Это не я» — и уходила.

— И тем наверняка вносили свою лепту в легенду об улановской застенчивости.

— Не исключено. Как-то раз Дудинская, Сергеев и я уезжали из Тбилиси, где проходил очередной творческий слет. Сели в машину, и, когда она тронулась, я увидела, что Наташа Шереметьевская, которая вышла провожать, прямо-таки согнулась пополам от хохота. В тот же день я ей позвонила: в чем дело? «Когда вы сели в машину, один грузин сказал другому: «Смотри, Уланов поехал» — вот что ее так развеселило. Из нас троих узнали только «Уланову». Вообще с этими официальными мероприятиями связано много забавных воспоминаний. В Баку в гостинице вывесили объявление: «По случаю съезда балетмейстеров и нефтяников мест нет». Как всегда, от великого до смешного...

Беседовала
Юлия ЯКОВЛЕВА

Санкт-Петербург